

УДК 81'42:811.111-26

Каменский Михаил Васильевич
ДИСКУРСНЫЕ МАРКЕРЫ:
МЕСТО И РОЛЬ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

В статье подводятся итоги статистического анализа представленности дискурсных маркеров, характеризующихся когнитивным потенциалом, в языковой системе, а также их значимости в различных типах дискурса. В исследовании применен авторский метод автоматизированной обработки текста.

Ключевые слова: дискурсные маркеры, значение, лингвистическая модель, когнитивные функции, классификация, статистический анализ, автоматизированный анализ.

Kamensky Mikhail V.

DISCOURSE MARKERS: THE PLACE AND ROLE IN THE LANGUAGE SYSTEM

The article contains the results of statistical analysis of the representation of discourse markers, characterized by the prominent cognitive potential, in the language system, as well as their significance in different types of discourse. The research was conducted using the author's methodology of automated text processing.

Key words: discourse markers, meaning, linguistic model, cognitive functions, classification, statistical analysis, automated analysis.

Современная лингвистика характеризуется разнообразием в определении термина для обозначения дискурсивных языковых единиц с особым статусом: от дискурсных частиц (Schourup, 1985; Abraham, 1991; Kroon, 1995), дискурсных коннективов (He, Yongpin, 1999; Higashimori, 1996; Rouchota, 1996; Unger, 1996), дискурсных операторов (Redeker, 1991), дискурсных слов (Ducrot et al, 1980) и т.п. в зарубежной литературе до лишних слов (Сиротинина, 1974), пустых частиц (Розанова, 1983), вставных элементов (Ладыженская, 1985), слов-заменителей (Земская, 1987), неполнозначных слов (Леденев, 1988) и т.п. в отечественной литературе.

В настоящем исследовании нами используется термин «дискурсный маркер» [1, с. 102; 2, с. 38; 3, с. 49], поскольку с позиций когнитивной лингвистики данный вид функциональных языковых единиц маркирует изменение ментального состояния коммуникантов, а также их реакцию и отношение к ситуации в ходе дискурсивного взаимодействия.

В целях определения роли и места дискурсных маркеров в системе языка нами построена когнитивно-функциональная модель, объединяющая лексические единицы и их сочетания, характеризующиеся особым дискурсивным статусом. Данный статус проявляется в функционировании данных языковых единиц в качестве дискурсных маркеров, оказывающих определенное влияние на развертывание дискурсивного взаимодействия на когнитивном уровне, то есть на уровне восприятия информации реципиентом.

Каждая дискретная единица построенной модели представляет собой функциональный слот, включающий определенный набор дискурсных маркеров.

Каждому функциональному слоту сопоставлен следующий набор характеристик, описывающих входящие в него дискурсные маркеры с позиции их лингвистического статуса в языковой системе и когнитивно-функционального потенциала в дискурсе: лингвистический статус (лексическая / грамматическая принадлежность) – характеристика, отражающая лексическую и грамматическую принадлежность дискурсного маркера; дискурсивная функция – функция дискурсных маркеров как синтаксических или прагматических элементов дискурсивного взаимодействия; иллокутивный потенциал – набор функционально вспомогательных иллокуций, реализуемых посредством данного дискурсного маркера для достижения коммуникативной цели высказывания; когнитивная нагрузка – когнитивная интерпретация маркированной внешней цели действия, определяемая данным дискурсивным маркером.

Данная лингвистическая модель выполнена на основе разработанной нами двухуровневой классификации дискурсных маркеров. Так, на верхнем уровне обобщения дискурсные маркеры сгруппированы по характеру их воздействия на когнитивные представления коммуникантов в ходе дискурсивного взаимодействия, на последующем уровне – по функциональным слотам, соотносящимся с набором характеризующих их параметров модели.

Верификация построенной когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров проведена на аутентичном англоязычном корпусном материале, основанном на размещенных в сво-

бодном доступе в сети Интернет открытых электронных корпусах текстов. Также нами использованы транскрипты фрагментов устной и письменной разговорной речи носителей английского языка, полученные методом прямого наблюдения.

Суммарная репрезентативность корпусного материала, обработанного методом автоматизированного анализа с применением авторского программного продукта «Когнитивно-функциональный анализатор дискурсных маркеров», составляет свыше 14,5 миллионов словоупотреблений в четырех выделенных в рамках исследованных корпусов типов дискурса, а именно: в разговорном, научном, официально-деловом и публицистическом дискурсах.

Таким образом, исследованный материал характеризуется статистически значимым распределением контекстов употребления лексических единиц по различным типам дискурса и отражает современное состояние английского языка на промежутке времени с 1990 года по 2013 год.

Статистический анализ представленности дискурсных маркеров в системе языка в целом и в различных типах дискурса в частности позволил прийти к выводу о том, что дискурсные маркеры занимают дальнейшее периферийное положение в языковой системе. Так, в исследованном корпусном материале количество выявленных дискурсных маркеров, однозначно соотносительных, по меньшей мере, с одним из рассмотренных нами функциональных слотов, составило 239 049 единиц, или 1,64 % от общего количества употребленных лексем.

Проведенное корпусное исследование дискурсных маркеров показало, что, независимо от конкретного типа дискурса, наиболее частотными являются дискурсные маркеры, когнитивное воздействие которых связано с усилением, уточнением и поддержанием существующих когнитивных представлений о контексте дискурса (первая классификационная группа), а также с введением новых когнитивных представлений (третья классификационная группа). Наименее представленной по сравнению с двумя другими группами является группа дискурсных маркеров, вводящих информацию, контрастирующую с существующими когнитивными представлениями о контексте дискурса или отменяющую их (вторая классификационная группа).

Распределение функциональных слотов дискурсных маркеров варьируется в зависимости от типа дискурса. В частности, функциональные слоты, наиболее представленные в разговорном дискурсе, имеют ряд существенных особенностей по сравнению с наиболее представленными функциональными слотами в институциональных типах дискурса.

Так, в разговорном дискурсе группа функциональных слотов, дискурсные маркеры в которых применяются с целью усиления, уточнения или поддержания существующих когнитивных представлений о контексте дискурса, занимает доминирующее положение по отношению к двум другим классификационным группам (68,61 % против 13,36 % и 17,74 %, соответственно).

В институциональных типах дискурса функциональные слоты, отвечающие за усиление, уточнение и поддержку существующих когнитивных представлений, а также функциональные слоты, отвечающие за введение новых когнитивных представлений о контексте дискурса, более сбалансированы при сравнительно незначительном превалировании первой классификационной группы над третьей в научном и официально-деловом дискурсе (45,98 % против 40,99 % в научном дискурсе, 50,42 % против 41,50 % в официально-деловом дискурсе) и сравнительно незначительном превалировании третьей классификационной группы над первой в публицистическом дискурсе (47,89 % против 41,66 %).

В разговорном дискурсе среди дискурсных маркеров, усиливающих, уточняющих и поддерживающих существующие когнитивные представления о контексте дискурса (классификационная группа 1), наиболее представлены дискурсные маркеры, когнитивная нагрузка которых связана с обеспечением интерпретации ментального состояния говорящего, его эмоционального состояния, реакции и отношения к ситуации (uh, oh, um) (64,84 %), обеспечением интерпретации логических связей в высказываниях (and, or, not, if...then) (16,33 %), прояснением коммуникативных намерений говорящего путем выражения отношения между фактами связанных пропозиций (after all, besides и др.) (8,91 %).

Среди дискурсных маркеров, вводящих информацию, контрастирующую или отменяющую существующие когнитивные представления о дискурсе (классификационная группа 2), ярко представлен только дискурсный маркер but, с точки зрения когнитивной нагрузки обеспечивающий доступ реципиента к иллокутивному воздействию пропозиции путем привлечения дополнительных сведений из внутреннего и внешнего контекстов (99,75 %). Остальные дискурсные маркеры, относящиеся ко второй классификационной группе, в разговорном дискурсе выражены слабо; их заме-

щение конструкциями с дискурсным маркером *but* объясняется тенденцией упрощения разговорного дискурса по типу языковой компрессии.

Из числа дискурсных маркеров, отвечающих за ввод новых когнитивных представлений о контексте дискурса (классификационная группа 3), в разговорном дискурсе наиболее представлены дискурсные маркеры, акцентирующие внимание реципиента на вводимой новой информации (*because, since* – 35,82 %; *like* – 1,03 %; итого – 36,85 %), указывающие на неточность приводимой информации (*like, oh*) (28,30 %), обеспечивающие интерпретацию вводимого интенционального посыла говорящим путем ментального привлечения информации из внутреннего и внешнего контекстов (*you see*) (16,15 %).

Итак, употреблению лексем и лексических форм со статусом дискурсных маркеров подвержены все изученные типы дискурса, однако представленность в них дискурсных маркеров в целом неодинакова и, на наш взгляд, диктуется особенностями дискурса.

Экстраполяция статистических данных об употреблении дискурсных маркеров в различных типах дискурса, полученных методом автоматизированного анализа текста, позволила выявить следующую тенденцию:

1) использованию языковых конструкций со статусом дискурсных маркеров в наибольшей степени подвержен разговорный дискурс (31,83 % от общего количества случаев употребления дискурсных маркеров в исследованном корпусном материале с учетом экстраполяции), при этом дискурсные маркеры составляют 2,04 % от общего количества употребленных лексем. В данном типе дискурса доминируют короткие, зачастую состоящие из одного слова, дискурсные маркеры, в некоторых случаях – десемантизированные и деграмматизированные, что отражает стремление участников коммуникации обеспечить правильность интерпретации сообщения при сокращении времени коммуникации и количества произносимой информации, что, в свою очередь, закономерно для современного динамичного информационного общества;

2) промежуточное положение по представленности дискурсных маркеров (25,22 % и 24,46 %, соответственно) занимают публицистический и научный дискурсы. Доля дискурсных маркеров в общем числе употребленных лексем в данных двух типах дискурса сопоставима и составляет 1,61 % для публицистического дискурса и 1,56 % для научного дискурса. Важно, что данные типы дискурса, относящиеся к институциональным, характеризуются употреблением сложных, в том числе состоящих из нескольких лексических единиц, дискурсных маркеров. Данные маркеры нацелены на логическое упорядочение сообщаемой информации, установление причинно-следственных отношений между высказываниями, введение дополнительных пояснений и уточнений в ходе дискурсивного взаимодействия;

3) в наименьшей степени дискурсные маркеры представлены в официально-деловом дискурсе (18,49 % от общего количества случаев употребления дискурсных маркеров в исследованном корпусном материале с учетом экстраполяции), при этом доля дискурсных маркеров от общего количества словоупотреблений в данном типе дискурса составляет 1,18 %. На наш взгляд, низкая доля дискурсных маркеров в официальном дискурсе объясняется его внутренней логической упорядоченностью и клишированностью, ориентированностью на употребление жестко заданных схем делового общения, принимающих на себя роль когнитивного регулирования интерпретации высказываний в данном типе дискурса.

Проведенное исследование показало, что подверженность исследованных институциональных типов дискурса интерференции проявляется, в том числе, во взаимопроникновении дискурсных маркеров, характерных для разговорного дискурса, в сферу институциональных дискурсов в определенных типовых коммуникативных ситуациях. В частности, такие жанры институциональных дискурсов, как деловые беседы (официально-деловой дискурс), интервью (публицистический дискурс), научные дискуссии (научный дискурс), в определенной степени сближающиеся по динамике и характеристикам с разговорным дискурсом, характеризуются внедрением в речь отдельных эпизодов употребления кратких, в том числе десемантизированных, разговорных дискурсных маркеров (в том числе *like, well, oh, okay* и др.), в целом нехарактерных для институциональных дискурсов и представляющих собой лишь небольшую долю от общего количества когнитивно нагруженных дискурсных маркеров в данных типах дискурса.

Таким образом, все выявленные дискурсные маркеры являются когнитивно нагруженными функциональными единицами дискурсивного взаимодействия, оказывающими воздействие на интерпретацию высказывания реципиентом и участвующими в обеспечении правильности понимания семантического и эмоционально-экспрессивного наполнения высказываний.

Итак, несмотря на значительные различия в лингвистическом статусе языковых единиц, выступающих в качестве дискурсивных маркеров (их значительную вариативность в части полноточности, синтаксической роли, частеречной принадлежности), все исследованные дискурсивные маркеры, несомненно, составляют единый лингвистический класс по критерию наличия дискурсивной функции. Следствием реализации данной функции в речи является когнитивное воздействие определенного вида, а именно, изменение характера интерпретации сообщения без изменения его смыслового наполнения. Данное утверждение подтверждается результатами экспериментального исследования, наглядно демонстрирующими широкие когнитивные возможности изученных дискурсивных маркеров, а также показывающими их статистическую значимость как в разговорном дискурсе, так и в различных институциональных типах дискурса.

Литература

1. Ameka F. Interjections: the universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics, 1992. Vol. 18. P. 101–118.
2. Hansen M.-B. The Functions of Discourse Particles. A study with special reference to spoken French. Amsterdam: John Benjamins, 1998. 417 p.
3. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.

УДК 8; 82.02

Ключ Александрина Григорьевна

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕГЕНДЫ О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ В ЛИРИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА КАК ЕДИНАЯ ПАРАДИГМА

Статья посвящена анализу интерпретаций легенды о Тристане и Изольде в лирике Серебряного века. Основное внимание автора сосредоточено на анализе особенностей функционирования средневековой легенды в русской литературе. Дается сравнение стихотворений, отражающих отдельные эпизоды сюжета, М. А. Кузмина, Черубины де Габриак, Г. В. Иванова, Ф. К. Сологуба, В. И. Иванова.

Ключевые слова и фразы: Тристан и Изольда, интерпретация, Серебряный век, мифопоэтика, ремифологизация, мотив.

Klyus Alexandrina G.

INTERPRETATION OF THE LEGEND OF TRISTAN AND ISOLDE IN THE LYRICS OF THE SILVER AGE AS SINGLE PARADIGM

This article analysis the interpretation of the legend of Tristan and Isolde in the lyrics of the Silver Age. The author focuses on the analysis of the functioning of medieval legends in russian literature. Compares lyrics of M. Kuzmin, Gabriak, G. Ivanov, F. Sologub, V. Ivanov.

Key words: Tristan and Isolde, interpretation, Silver Age, mythopoetics, remythologization, motive.

Изучение печальной истории юноши из Леонуа и его верной возлюбленной, начатое в работах Ж. Бедье («Тристан и Изольда», 1900 г.), О. М. Фрейденберг («Целевая установка коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольты», 1932 г.), А. А. Смирнова («Роман о Тристане и Изольде по кельтским источникам», 1965 г.), А. Д. Михайлова («Легенда о Тристане и Изольде и ее завершение (роман Пьера Сада «Тристан»)), 1973 г.), И. Г. Неупокоевой («История всемирной литературы: проблемы системного и сравнительного анализа», 1976 г.) и др., оформилось в специальную отрасль медиэвистики. Количество параллелей к легенде о Тристане и Изольде или отдельным ее мотивам настолько велико, что с трудом поддается счету. Возникнув в Средние века, легенда стала относиться в число «вечных». Параллели к мотивам романа мы находим в сказаниях древневосточных, античных, кавказских и др. Различные элементы легенды, как отмечает А. Л. Баркова, прослеживаются в таких прототипических памятниках, как «Преследование Диармайда и Грайне», «Сага о Кано, сыне Грантана», «Сага о Байле Доброй Славы». «Все эти памятники кельтского (преимущественно, ирландского) происхождения, и в романе действие происходит исключительно в кельтских землях» [1, с. 502]. По мнению Т. В. Муравьевой, наиболее ранним из сохранившихся до нашего времени литературным произведением, посвященным любви Тристана и Изольды, является небольшая поэма «Жимолость» поэтессы XII века Марии Французской.